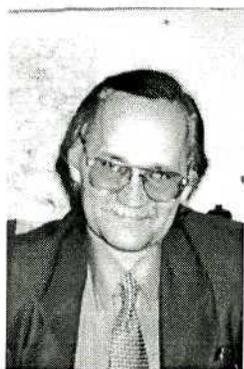

Ключевые слова эпилептоида
«Я сделаю все, что задумал»
«Я вам а) отомщу, б) скоро отомщу, в)
страшно отомщу»
«Меня не интересуют ваши проблемы.
Вы должны были это сделать»,
Уменьшительно-ласкательные слова
типа:
«Милочка, лапочка»
«Девочки, мальчики»
«Ручечка, карандашик, портфельчик»
«Чаячек, сахарочек» и т.д.

В целом, можно констатировать, что сегодня политический результат невозможно достигнуть без учета психологической составляющей. Более того, психологический фактор фундаментален и первичен по отношению к фактору политическому. Но это уже другой – метафизический уровень обсуждения.

ПОЛИТИКА &

Политика и частная жизнь

В.М. Русаков

Важной темой является соотношение политики и частной жизни людей. На всем протяжении истории существования политики постоянно возникал весьма острый вопрос: насколько политика может и должна вторгаться в частную жизнь, насколько частная жизнь граждан может и должна обособляться от политики? Уже в древности были в целом понятны негативные последствия смешения этих сфер: частной, интимной жизнедеятельности личности и сферы публичного массового действия.

В то же время противоречие это пытались решить либо за счет растворения частной жизни в политической, публичной, т.е. искоренения частной жизни как уродующей общее благо (Платон); либо путем проведения четко выраженного, закрепленного законом, традицией и обычаем разделения сферы публичной

политики и частной жизни. Одновременно шло взаимное определение того, что понимать под политикой и частной жизнью.

Сегодня, когда перед российским обществом стоит задача формирования гражданского общества, вопрос о взаимоотношениях политики и частной жизни человека требует своего прояснения.

И если публичная жизнь общества более или менее вразумительно определяется различными авторами, то в справочной и научной литературе мы найдем весьма противоречивую картину того, что понимается под частной жизнью (например, англ. термин – *privaty*). Это и понятно: они взаимно эволюционировали и вместе с развитием и усложнением политики как сферы публичной жизнедеятельности (совершаемой «на миру», для других, разных людей, чтобы каким-то образом согласовывать их интересы), происходило определение частной жизни (внутрисемейно-брачная

жизнедеятельность, удовлетворение повседневных материальных и духовных потребностей, досуг, привычки, и т.п.). Но вот если взять уже домашнее хозяйство, - мы видим, что из него выделилось домашнее (надомное) производство. Хотя линия раздела далеко не столь отчетлива и ясна.

Частная жизнь отчетливо дифференцируется вместе со становлением политической системы и появлением противоположности ее – *публичности*: схемы поведения, способы решения проблем, нормы, ценности, - как особая *артикуляция* проблем, интересов, легитимация их и институционализация.

Частная жизнь – как последовательное дистанцирование от публичности находит свое выражение в *аутсайдерстве*, *эскапизме* (религиозное откровение и мистика, наркотики и алкоголь, туризм, хобби и т.п.), вплоть до принципиального неучастия – *абсентеизме*, эпатаже в одежде, поведении, образе жизни, жилье (как бы это ни работало «на публику»).

Платон во вторжении частной жизни и ее проблем в политику видел угрозу: семейно-бытовые, клановые отношения, повседневные домашние нужды и заботы несут в себе прямую угрозу государству как совокупному общему благу. Они отвлекают от служения общему благу тех, кто призван его осуществлять! У тех, кто должен управлять, для достижения общего блага нужно истребить всякую частную жизнь: семью, имущество, быт, родственные связи и отношения, следовательно, все должно совершаться «на виду», сообща – общие женщины для деторождения, но при этом никто не знает чьи дети, общие трапезы, общие дома для проживания, но отсутствие всякого личного имущества.

Особая этика общественно-личного поведения человека была выработана большевизмом и в течение ряда лет насаждалась политическим режимом, созданным им.

В.И. Ленин писал, что «быт заедает», «отвлекает» и даже «уродует» личность,

что быт должен быть реорганизован и пересоздан по образцу крупного машинного производства, так сказать, переведен на индустриальные основы. В противном случае, он отнимает много личного времени (приготовление пищи, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и престарелыми и т.п.). В 20-е годы в советской литературе, в политических организациях проходили бурные дискуссии, посвященные борьбе с «тлетворным», пагубным влиянием быта, частной жизни. Эти дискуссии оставили след в литературе, поэзии, киноискусстве, политической практике (уничтожение и искоренение ряда обычаев, изобретение «новых», «социалистических» обрядов и ритуалов!

Проблема, по-своему поставленная Платоном и поколениями последующих утопистов, - вполне реальна. Речь идет о том, что:

А) индивиду необходимо время для развития личностных сил и способностей, которое отнимается у него необходимостью затрат усилий на поддержание повседневной жизнедеятельности,

Б) частная жизнедеятельность индивида *отстает от прогрессивных форм* материальной и духовной культуры человеческого общества, что может быть *препятствием* для их усвоения, а, значит, развития личности.

Кроме того, согласно таким идеологическим представлениям, частная жизнь не может быть отделена от политики целиком уже хотя бы потому, что это будет означать прекращение развития личности. Частная жизнь должна быть подчинена общественной (читай – политической) и при всяком противоречии она безусловно отступает на задний план перед политикой. Политические приоритеты всегда задают главные нормативы и ценностные ориентиры для частной жизни: любви, верованиям, чувствам, семейно-брачным отношениям, увлечениям и т.п. Большевизм сформировал и культивировал в течение десятилетий (в том числе средствами искусства –

художественной литературы, кино, живописи, театра и т.п.) тип личности, целиком и полностью подчиняющей свою жизнь политической борьбе. Допущение возможности личных верований и чувств, расходящихся с политически предписанными, - рассматривается в такой практике как пока еще неизбежная уступка слабости и несовершенству большинства людей, «не прошедших школу настоящей борьбы», а вот «человек нового типа», усвоивший коммунистическое мировоззрение и мораль, - уже будет свободен от этого противоречия. Ради политических ценностей и целей такая личность легко жертвует частной жизнью и ее формами: любовь мужчины и женщины, домашний очаг, деторождение, кровнородственные связи, приятельские привязанности и отношения.

Политизация частной жизни реализуется в двух формах или смыслах. Во-первых, *политизация легитимная*, то есть *институционализация* частной жизни как ее четкое огораживание, выделение ее сферы и установление характерных там способов жизнедеятельности (индивидуально-личностные отношения в семье и браке, способы и формы удовлетворения повседневных жизненных потребностей в быту, матримониальные отношения, личные переживания, настроения и даже верования и убеждения) например, уход в отставку с публичного поста, *легитимация*, узаконение (право на частную жизнь и ее неприкосновенность для властного вмешательства), вплоть до установления требования покидать публичную сферу в строго определенных случаях, считающихся обязательными (смещение семейно-родственных отношений и служебных, неприемлемость обнаружения чувств, личностного отношения к публично оцениваемому объекту («беспристрастность»)).

Но в том и другом случае имеет место «охрана», установление отчетливо заданных границ частного, частной жизни со стороны политических институтов, политической практики, действия.

Политика как бы «обволакивает» частную жизнь.

Во-вторых, «вторжение» в частную жизнь, то есть стремление властных отношений подчинить и зарегулировать частную жизнь: *внесение политических интересов* (или политизация интересов, реализуемых в частной жизни). Повседневные заботы и нужды людей политизируются, поэтому оказывается, что рожать или не рожать детей, с кем и когда вступать в брак или не вступать, носить ту или иную прическу или одежду и т.п. - все приобретает политический смысл, что может быть чреватым теми или иными политическими последствиями (публичным осуждением, как политического противника, врага, увольнением с работы, изоляцией в семейно-родственных и других отношениях). Примеры здесь весьма многочисленны: борьба со стилягами, любителями джаза, борьба против причесок («хиппи волосатые»), употребления парфюмерии и косметики, использования елки при праздновании нового года, запрет на аборт, мотивируемый политическими соображениями, запрет браков с иностранцами (борьба против потенциальных шпионов), необходимость доноительства на родственников как признак «бдительности» и «принципиальности». Внесение чисто политических интересов в частную жизнь, с другой стороны, приводит к фальшивому и лицемерному поведению людей, когда они должны постоянно «думать о высших интересах Родины», «бороться за или против чего-то» в частной жизни, искоренять пережитки, всячески третировать быт как «заедающий» и «отвлекающий» от светлых идеалов и борьбы за них.

Кроме того, политизация частной жизни производится путем ее *реорганизации* на принципах и по правилам, принятым в политике. Это попытки создания «нового быта», «нового типа семьи и брака», воспитания «нового человека», организация «культурного досуга», - то есть

искусственного насаждения приемов жизнедеятельности, характерных для политической жизни, то есть социально-политических отношений, к тому же опосредованных государственно-властным регулированием.

В этом отношении весьма преуспел тоталитаризм с его безудержным вторжением в частную жизнь. Более того, тоталитарные режимы в своей идеологии фактически отрицают право человека на частную жизнь, а тем более – на защиту ее от вмешательства со стороны политических организаций (партий и государства).

Государство и правящая политическая партия предписывают и строго регламентируют образ экономического поведения индивида, обосновывают право и практику систематического вмешательства в сферу индивидуально-личностных переживаний, верований, чувств и настроений. Для этого создается весьма разветвленная система так называемых «ячеек» – искусственно насаждаемых форм общности людей (первичные партийные, молодежные, спортивные, женские, детские и пр. организации, общины, союзы, клубы и т.п.), которые призваны, фактически, лишить каждого человека частной жизни, сделать ее полностью публичной (честному человеку нечего скрывать и таить за забором своего дома, за стенами своей квартиры и т.п.); создается целая разнообразная система процедур насаждения публичности: собрания, на которых надо осуждать свои и чужие проступки и недостатки, клеймить врагов, даже если они твои дети или родители (в этом случае – с особенным ожесточением), кампании разоблачений и борьбы со скрытыми и явными врагами в прессе, поощряющие доносы, систематическая поголовная слежка и т.п. Всякий факт «ухода» личности в частную жизнь и тем более – замыкание в ней по меньшей мере рассматриваются как признак политической отсталости, разложения личности (деградации ее), а в худшем случае – предательство высших интересов, услуга врагам («каждый -

боец и каждый – на счету!»), «прореха» в рядах борцов, через которую обязательно будет действовать враг.

Развитие современного гражданского общества означает, что формируются и развиваются разнообразные социальные связи и отношения, не опосредованные вмешательством государственно-властного и вообще – политического регулирования (с помощью организаций, использующих публичное регулирование). Гражданское общество становится «буфером» между сферой собственно политики и частной жизнью граждан. Частная жизнь получает не только право на существование и соответствующую защиту от непосредственного вмешательства и вторжения политики, но и благоприятные условия развития.

Проблема развития и совершенствования частной жизнедеятельности остается и сегодня актуальной: прогрессивные формы и способы удовлетворения базальных и витальных потребностей личности, создание условий быстрого и легкого усвоения личностью всякого общественного опыта жизнедеятельности, развитие в личности способности к усвоению универсального богатства человеческой (всемирной) культуры и т.п.

Гражданское общество, с точки зрения современных представлений, включает в себя в качестве структурных элементов семью, общины, землячества, кооперативные организации и сообщества (производительные, потребительские, бытовые), ассоциации избирателей, кружки и клубы, благотворительные и прочие *самодетельные* организации и объединения, удовлетворяющие разнообразные потребности людей в личностном росте и развитии.

Гражданское общество создает условия для того, чтобы формы и способы частной жизнедеятельности человека, с одной стороны, не заостенели в своей оторванности от совокупного культурного опыта

человеческого общества, не противопоставились ему как нечто архаическое и потому искусственно поддерживаемое сектантской замкнутостью, отчужденностью (эскапизмом, ксенофобией), а, наоборот, - здоровое и плодотворное начало получило бы импульс к разворачиванию, к обогащению этого совокупного опыта. В то же время, оно охраняет общество как от насильственной политизации частной жизни, так и не менее пагубной приватизации сферы публичного политического (организаций, процессов, отношений).

Однако, говоря о взаимосвязи политики и частной жизни человека, нельзя ограничиться, как мы уже видели, - только проблемой политизации частной жизни. Есть не менее важная другая сторона этого взаимодействия: приватизация политики.

Приватизация политики также должна быть рассмотрена как с точки зрения положительного взаимодействия, так и - отрицательного.

Во-первых, положительные аспекты приватизации политики заключаются в том, что сфера публичных отношений, действий, организаций должна и становится все более близкой человеку: он не смотрит на политику как на что-то чуждое, омерзительное и опасное. Личность в процессе политической социализации как раз и должна «сродниться» с политическим действием, отношением и организацией в том смысле, что в итоге ее она прекрасно ориентируется в «механике» политических систем, процессов, имеет навыки политического участия и отстаивания разнообразными легитимными методами и средствами своих групповых и личных интересов. В то же время, совершенно ясно, что сфера политического, - как публичное действие, отношение и организация, - не может проникнуть в частную жизнь и органически слиться с ней (об этом мы уже говорили выше).

Во-вторых, приватизация политики заключается в том, что в итоге

политические отношения, организации и процессы приобретают *индивидуально-личностную окраску*: индивидуальные, частные особенности, неповторимые личностные черты и нюансы политических деятелей придают неповторимое своеобразие политическим институтам и процессам. В истории политики это постоянно встречающееся явление: частные, специфически личные черты того или иного политического деятеля (связанные именно с особенностями его частной жизни) отпечатываются в политике, создавая то, что иногда называют *стилем* политического лидера. Мы прекрасно можем видеть, что та или иная политическая организация (государственное учреждение или политическая партия), несколько не изменившись по сути, выразительно меняет свою «физиономию»!

Вспомним характеры личностей Г. Плеханова и В. Ленина на заре их совместной деятельности по созданию политической партии: один сказал о другом, что это - «барин», а другой отшатнулся в испуге - «невежа»! Частная жизнь каждого политического деятеля, даже тщательно скрываемая от других или от себя, неизбежно прорывается в виде специфических черт политики, проводимой им. А ведь мы знаем, что политические деятели часто любят поговорить (и требовать) о полном отрешении от частной жизни, презрении к ней, полной отдаче себя публичному политическому процессу. Ясно, что поверить на слово мы им вряд ли сможем.

Здесь открывается поле реализации отдельной личностью своих частных амбиций, пристрастий, достоинств и недостатков, талантов и уродств в области политики. Часто эти «частности» как раз скрывают нам суть дела, событий, отношений.

Но здесь мы подходим к негативной стороне приватизации политики. Она многообразно проявляет себя и примеров здесь - не счесть!

Во-первых, в наиболее грубой и

циничной форме это проявляется в подчинении политической деятельности интересам личного, *частного обогащения*. Дорвавшийся до власти политический деятель посвящает свои силы и ресурсы власти ограблению своего и чужого населения, политических противников, оппозиционных организаций. В Древнем Риме императоры (Нерон, Калигула) использовали государственную власть для расправы со своими противниками и присвоения их имущества. Новая и новейшая история также дают тому немало примеров.

Во-вторых, приватизация политики производится в форме создания *системы прерогатив и привилегий*, продиктованных исключительно личными, частными интересами: добиться абсолютной неподконтрольности, неподотчетности, несменяемости. Политический деятель перестает отличать личные и частные интересы от общественных, государственных («Государство – это я!»), точнее, он их подменяет своими. Начинается ничем не обузданный произвол, одни прихоти сменяют другие

и государство превращается в организацию обслуживания потребностей одного лица (клана, семьи).

В-третьих, политический лидер, не умеющий провести черту между частной своей жизнью, своими личными причудами и свойствами и публичной сферой политики начинает вносить в нее *морально-психологические извращения*, то есть то, что коробит всех, заставляет испытывать неловкость за него, а чаще вызывает едкий и злой смех: люди видят, что до власти дорвался хам, который даже не понимает всей полноты и меры своего падения, но уверен, что его власти достаточно для того, чтобы никто ему не сказал громко, что «король – голый»!. В нашей недавней российской истории примеров тому также немало: знаменитые «дирижирования берлинским военным оркестром», «ирландский синдром» и т.п. История может распорядиться этим по-разному: от какого-то политического лидера останутся великие деяния и будут забыты его дурные привычки, а кто-то будет безжалостно увековечен лишь как герой злых анекдотов.